

УДК 82-94

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-2-104-129

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ V.
«ИСТОРИЯ СИЦИЛИИ...» И ПОДХОДЫ «НАРРАТИВНОГО МЕТОДА»**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Вступив на литературное поприще в 1836 г. публикацией исторического романа «Летучий эскадрон королевы (1560)», барон де Базанкур в дальнейшем активно пробовал свои силы в жанре романа-фельетона. Заметное место в его творчестве занимала историческая романистика, что, однако, не приносило ему большого успеха. В 1846 г. Базанкур опубликовал «Историю Сицилии под господством норманнов», которая позиционировалась как историческое исследование и значительно укрепила творческую репутацию автора. В статье рассматривается связь этого сочинения с традицией «повествовательного метода» в исторической науке, прослеживаются подходы автора, позволяющие ему добиться сочетания научных требований к историзму с собственными эстетическими пристрастиями.

Ключевые слова: норманны, История Сицилии, нарративный метод, нарративная историография, барон де Базанкур.

ВВЕДЕНИЕ

Барон де Базанкур начал литературный путь в 1836 г. с публикации романа «Летучий эскадрон королевы (1560)». Еще не угасшая мода на исторические романы и, возможно, читательский интерес к начинающему, но всеяющему надежды автору обеспечили книге доброжелательный прием. Однако дальнейшие опыты барона в сфере исторической романистики не принесли ему большого успеха. Это было обусловлено двумя основными факторами. Прежде всего, читательский интерес неуклонно смещался в плоскость современной проблематики, что ослабляло внимание к историческим темам. Кроме того, Базанкуру, хотя он и добился определенных успехов в овладении беллетристическим стилем и романной сюжетикой, не хватало мастерства в передаче исторического колорита, в гармоничном соединении авторского вымысла с деталями реальной истории. Художественные исторические сочинения Базанкура либо заслуживали упреки критиков в недостатке достоверности, либо вообще не удостоивались их внимания. Все это не заставило барона де Базанкура отказаться от своих исторических интересов, но мотивировало его к поиску нового похода в освоении исторического материала. Результатом стала выпущенная в 1846 г. «История Сицилии под господством норманнов». **Цель** настоящей статьи – выявить методологические принципы, которыми руководствовался барон де Базанкур при создании этого исторического труда.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

«История Сицилии...»

В июле 1845 г. «La Presse» поместила такое сообщение:

«Из Неаполя нам пишут, что барон де Базанкур активно работает над “Историей Сицилии”, где будут отражены блестящие и мрачные страницы в судьбе этой страны от завоевания норманнами до присоединения к Испанской короне.

Те, кто смог познакомиться с некоторыми фрагментами этого важного исторического труда, уверяют, что наряду с добросовестными историческими изысканиями мы обнаружим там присущие автору блестящие качества ума и стиля» [40].

Поскольку исторические романы барона де Базанкура зачастую также репрезентовались прессой как «исторические исследования», то читатель был вправе ожидать, что и начатый «исторический труд» автора будет представлять собой вымышленную историю, встроенную в исторический антураж и снабженную собственно историческим предисловием.

Однако в марте следующего 1846 г. газета «Le Constitutionnel» конкретизировала, что ради новой книги автор специально отправился в Сицилию «в поисках достоверных и неизвестных документов», так что весь труд «написан по хроникам того времени» [34]. А 6 апреля 1846 г. «La Presse» уведомляла, что новое сочинение барона появится в ближайшие дни, причем оно обладает научными достоинствами даже в большей мере, нежели художественными: автор проделал «трудную и важную работу», в тексте воплотились «возвышенность стиля и мысли» и, «что особенно важно, – добросовестная строгость исторического исследования» [41].

В апреле 1846 г. перед читателем предстало это новое сочинение барона де Базанкура, которое совершенно отличалось от всего написанного им прежде, – двухтомная «История Сицилии под господством норманнов от завоевания острова до установления монархии».

Основное внимание уделено эпохе XI–XII вв., когда норманны поначалу сражались в Сицилии в качестве наемников, а потом подчинили себе весь остров и земли на юге Апеннинского полуострова, создав здесь собственное государство. Первое появление норманнов в Сицилии автор датирует 1038 г., однако полагает, что ни это, ни последующие события не могут быть верно оценены, если не посвятить читателя в предысторию вопроса – не рассказать о временах арабского владычества в Сицилии. Таким образом, повествование начинается с 827 г.

В развернутом предисловии барон де Базанкур пояснял, что повествование не допускает художественного вымысла и основано исключительно на исторических документах, найденных и тщательно изученных автором (здесь Базанкур говорит о себе в 3-м лице):

«Он ознакомился со всеми рукописями, дипломами, хартиями, хрониками, привилегиями; как прилежный исследователь он путешествовал по Сицилии, этой прекрасной, богатой памятниками стране; он постучался в двери всех

монастырей, где находятся драгоценные хранилища редчайших актов и документов; он обыскал все библиотеки, без усталости просмотрел все книги; он ничего не выдумал: каждая строка, каждое слово – это отражение подлинных и неопровержимых фактов» [28, t. 1, p. V].

Заметно, что для Базанкура очень важно донести мысль о невмешательстве авторской фантазии в дальнейшее повествование, и он подробно разъясняет свои принципы работы с историческими текстами:

«Автор чаще всего лишь переводил тексты хроник, соединяя разрозненные факты в общую картину и упорядочивая их; он решил, что читателям будут интересны источники, из которых он черпал информацию, оценить их, обратиться к ним самостоятельно; автор также часто приводит цитаты – для достоверности как отражения событий, так и передачи выражений; он не желал заслужить упрек в том, что порою отказывался от достойного и серьезного стиля, приличного историку, в пользу поэтичности и выпренности; он с религиозной и внимательной тщательностью старался уподобиться художнику, воссоздающему прекрасный памятник древности и стремящемуся воспроизвести великий образ во всех его деталях и подробностях» [28, t. 1, p. XI–XII].

На протяжении всего повествования Базанкур действительно придерживался изложенных принципов. Основному тексту предшествовала таблица, отражавшая исторические изменения сицилийской топонимики, а затем – «Список основных историков и хронописцев, оставивших описания тех времен». В «Списке...» указано 28 документов, использованных автором. В Приложении барон поместил объемные выдержки из хроник на языке оригинала [28, t. 1, p. 373–403; t. 2, p. 367–405]. В основном тексте присутствуют частые ссылки на эти источники и нередко весьма объемные цитаты. Скажем, повествуя о захвате сарацинами Сиракуз (878 г.), автор прибегает к свидетельствам очевидца событий монаха Феодосия, помещая в переводе на французский язык объемный (на несколько страниц) пассаж из его письма к архидиакону Льву [28, t. 1, p. 11–15].

Таким образом, повествование барона де Базанкура оказалось полностью подчинено историческим сведениям, содержащимся в древних хрониках. Однако это не лишило рассказ занимательности, поскольку старинные свидетельства содержали сюжеты, которые могли выгодно конкурировать с искусственными романскими конструкциями. Так, судя по летописям, сама завязка «сицилийской истории», интересующей Базанкура, представляла собой любовную драму.

Как известно, импульсом к арабскому завоеванию Сицилии послужил мятеж, поднятый на Сицилии византийским военачальником Евфимием Сицилийским, который в борьбе с метрополией обратился за помощью к арабам. Но в чем причина мятежа? Если верить хроникам, то мятеж был спровоцирован не политическими амбициями военачальника, а обстоятельствами его личной жизни: Ефимий полюбил юную Омонизу, однако ее родственники пообещали ее руку другому; тогда Ефимий выкрал девушку из монастыря и обручился с нею, за что император повелел отсечь ему нос. Чтобы избежать сурового наказания, Ефимий и устроил мятеж.

Барон де Базанкур сохранил «фактаж» этого сюжета, но стилистически обыграл его в романном стиле. Он сообщал читателю, что Ефимий «происходил из знатного греческого рода, но был человеком простых и приземленных нравов, <...> храбрым солдатом, как почти всякий человек в ту эпоху, когда жизнь была необходимой ставкой в ежедневной кровавой игре» [28, t. 1, p. 3]. Когда в душе Ефимия просыпается страсть к Омонизе, «он смягчает свои суровые и дикие нравы»: «любовь открыла в этом сердце, измученном войной, кровью и развратом, те благородные сокровища, которые возвышают человека, сколь бы низко он ни пал» [28, t. 1, p. 4]. Именно эти «благородные сокровища» сердца и становятся движущей силой дальнейших событий, приведших к мятежу.

Впрочем, повествование Базанкура гораздо чаще обращается к событиям иного рода: прежде всего, к военным походам и сражениям. И здесь для автора открывается пространство для создания множества сцен, которые по своей динамике, эмоциональной насыщенности, историческому колориту затмевали остросюжетные эпизоды из его романов и при этом претендовали на историческую достоверность.

Разберем некоторые эпизоды. 1038 г. Византия, в очередной раз решившись отбить Сицилию у сарацин, приняла в свое войско наемников, среди которых были и норманны. Во главе отряда норманнских рыцарей находился сын Танкреда де Готвиля Гийом Бра-де-Фер (то есть Гийом Железная рука). Армия переправилась в Сицилию, и уже первое крупное сражение – битва при Мессине – показало, что норманны являются наиболее боеспособным подразделением византийского войска. Гарнизон Мессины решился встретить греческую армию у стен крепости. Норманны находились в резерве греческой армии, так что вынуждены были наблюдать со стороны, как арабские воины начали теснить византийцев. Греческие солдаты уже были готовы к беспорядочному отступлению, когда Бра-де-Фер вступил в бой:

«Предводитель норманнов, не имея терпения оставаться в бездействии немым зрителем боя и более всего страшась упустить столь благодатный случай проявить собственную доблесть и доблесть своего народа, оборачивается к возглавляемому им отряду, воспламеняет его энергичными словами и жестами, оживляет побежденное мужество греков и лангобардов, подает сигнал, отпускает поводья коня, острыми шпорами разрывает ему бока и мчится туда, где бой наиболее беспощаден; пронсясь сквозь кровавую схватку, он похож на страшного льва, бросающегося с быстротой молнии в гущу диких зверей. Норманны, не подвластные страху, смыкают ряды, прижимаясь друг к другу, и спешат по его следам; они разят направо и налево, сражаясь, как самые бесстрашные воины. Враги со всех сторон падают под их ударами и образуют груды трупов <...>» [28, t. 1, p. 29–30].

Так норманны на плечах отступающего гарнизона ворвались в Мессину. Но отметим художественный оборот – сравнение вождя рыцарей со львом. Это не изобретение Базанкура, что он и подчеркивает – делает цитирующую отсылку к анонимной средневековой хронике, из которой он позаимствовал это сравнение [28, t. 1, p. 30]. Так он дает читателю понять, что сравнение Гийома Бра-де-Фер со львом появляется в тексте как средство передачи той образности, которая была присуща средневековым источникам.

И еще одна очень важная деталь. Основное внимание повествователя приковано не к главнокомандующим и не к рядовым солдатам, а почти исключительно к вождям (выражаясь современным языком, к командирам тактического звена), ведущим воинов в бой. Это, безусловно, продиктовано спецификой средневековых хроник, но, кажется, отчасти – еще и видением истории, присущим самому барону де Базанкуру. Проиллюстрируем таким эпизодом. С победами шествуя по Сицилии, византийская армия добралась до Сиракуз, где гарнизоном «командовал сарацин величайшей храбрости и почти сверхъестественной силы, которого, согласно некоторым сочинениям того времени, звали Аркадий» [28, т. 1, р. 31]:

«Этот грозный вождь внушал грекам величайший страх; никто из них не был способен противостоять ударам сарацина, а все, кто пытался устоять перед ним, были либо убиты, либо ранены. Едва завидев его во главе воинов перед стенами города, греки поддались слабости и разбежались. Гийом, прозванный Бра-де-Фер за доблесть и страшные удары, которые его рука наносила в бою, увидев, как вождь сарацин самым быстрым галопом своей лошади приближается к нему, наставил копьё на противника и столь же стремительно бросился ему навстречу. Это было сделано с такой силой и решимостью, а атака обоих воинов была столь неистовой, что кони едва не рухнули от напряжения.

Сколь бы ужасен ни был удар сарацина, норманн прямо и твердо удержался в седле, а острие его копья, более искусного и отточенного, прошло прямо сквозь грудь неприятеля. Аркадий распротер руки, выронив оружие и поводья, и покатился на землю. Лошадь сарацина вернулась в город, неся на седле и длинной развевавшейся гриве обильные следы крови. Так варвары, не видевшие схватки, узнали о смерти своего грозного вождя и, в свою очередь, придя в ужас, беспорядочно бежали в Сиракузы и заперлись там» [28, т. 1, р. 31–32].

«Нарративная историография»

Главное, что коренным образом отличало «Историю Сицилии...» от прежних произведений барона де Базанкура, – это принцип исторической достоверности. Первыми шагами на этом пути можно считать его исторические предисловия к романам «Летучий эскадрон королевы» и «Жером Рюде», также написанные по показаниям хронистов. Но «История Сицилии...» – это результат не только индивидуальной авторской эволюции, но и мощной тенденции в исторической науке.

Думается, имеет смысл говорить о двух известных исторических трудах, на которые Базанкур, несомненно, опирался в методологическом отношении: «История герцогов Бургундских» П. де Баранта и «История завоевания Англии норманнами» О. Тьерри. Исторический период и «норманнская тема» более сближали произведение Базанкура с исследованием Тьерри, но при этом всё говорит о том, что большее влияние на него оказал труд барона де Баранта.

«История герцогов Бургундских» начала публиковаться в 1824 г. Она значительно отличалась от привычной традиции создания исторических трудов, и Барант считал необходимым изложить в объемном предисловии суть нового подхода к написанию истории.

Методология, предложенная Барантом, вызревала в оппозиции к историческим исследованиям XVIII в. Эпоха Просвещения ставила перед историками специфические задачи: «поучать и развлекать» [19, с. 15]. Исходя из этого, внимание сосредоточивалось лишь на тех фактах, которые соответствовали этим функциям; отбор исторических сведений диктовался «пригодностью» фактов подтверждать идею, внушаемую публике. Сам исторический процесс в читательском сознании оставался фрагментированным, а стало быть, не позволял делать самостоятельных выводов и наблюдений. В противовес этому Барант отталкивался от необходимости дать читателю материал для самостоятельных суждений:

«Нам наскучило видеть, что история, подобно покорному и оплаченному софисту, готова предоставлять любые доказательства, какие только каждый от нее пожелает. Мы хотим от нее фактов. Как мы наблюдаем во всех деталях и движениях великую драму, участниками и свидетелями которой являемся, так мы желаем познать, как существовали народы и отдельные личности до нас. Мы требуем, чтобы они были воскрешены в нашей памяти и оживлены пред нашими глазами: и тогда всякий человек будет выносить такое суждение, какое ему заблагорассудится, и даже не подумает следовать какому-либо определенному мнению» [27, т. 1, р. 37].

Исторические факты, конечно, можно было бы предоставить читателю путем публикации исторических источников, и прежде всего – исторических хроник. Но, по убеждению де Баранта, знакомство с отдельными источниками не обеспечивает целостности исторической панорамы, поскольку в старинных текстах отразилось лишь то, что доступно вниманию их авторов:

«Солдат, рассказывающий о сражении, сможет описать лишь то, что прошло перед его глазами. Мы узнаем от него об эпизодах боя; по его впечатлениям и его речи мы сможем судить о настроениях армии, о нравах эпохи, о характере войны; но он не ведает о генеральном замысле батальи и не может нам сообщить о нем. Он сражался, подчиняясь этому замыслу, но основу всего происходящего не видел и не создавал. Победа или поражение – в поле его видения; их причины и следствия для него не достижимы.

То же относится к большинству наших старинных повествователей. Простые солдаты на мировой сцене, они лишены представления об общей картине. <...> Кроме того, разве нас поражает то, что мы видим изо дня в день? Разве мы замечаем это? <...> Надо быть вне картины, чтобы понять, каковы ее существенные и характерные черты» [27, т. 1, р. 6–7].

Из этого логически вытекало представление о главной задаче историка: систематизировать факты, обнаруженные во множестве источников, и на их основе выстроить целостное хронологически последовательное повествование об исторических событиях протяженных эпох, что подразумевает, по мнению Баранта, «повествовательную композицию» [27, т. 1, р. 11]. Именно термин «повествование» («narration») дал название предложенному Барантом подходу, который известен как «нарративный метод» (или реже – «нарративная историография» [9, с. 69; 4, с. 4]).

Сегодня этот термин звучит слишком многозначно, что составляет известные неудобства. Современная популярность в разных областях гуманитарного знания «нарративных теорий» даже на ассоциативном уровне «отрывает» этот термин от «родной» эпохи первой половины XIX в. И в этом отношении выглядит вполне оправданным использовать вместо (или как синоним) определения «нарративный» – дефиницию «повествовательный» [19, с. 115; 3, с. 50]. Но в любом случае это определение будет отражать лишь формальную составляющую, а не сущность метода, обоснованного Барантом и воплощенного в науке им и его единомышленниками (которых условно принято объединять под эгидой т. н. «нарративной школы» [19, с. 123; 21, с. 238; 24, с. 90]). Для Баранта за термином «повествовательная композиция» исторического труда скрывался целый ряд принципиальных соображений о содержании исторического повествования.

Прежде всего, Барант настаивал на необходимости основывать повествование исключительно на фактах, обнаруженных в исторических источниках, и это четко противопоставляло исторический нарратив историческому роману, который хоть и способен создавать обобщенные типы исторической реальности, но «не сохраняет верность фактам» [1, с. 45]. Эта мысль, почти тривиальная для современного читателя, в первые десятилетия XIX ст., когда исторический роман воспринимался почти таким же «историческим исследованием», как труды историков, нуждалась в обосновании.

Не менее важное значение имел отказ Баранта от прямой назидательности, свойственной историкам XVIII в. Он вполне сознавал, что в истории читатель ищет «моральных уроков, политических соображений, сопоставлений с настоящим» [27, t. 1, р. 6], но настаивал на том, что задача историка не внушать все это читателю, а предоставить публике максимально подробную и логически связанную историческую информацию, на основании которой всякий читатель сможет делать собственные выводы. Безусловно, это был важный шаг в сторону объективного отражения событий. И Барант добросовестно следовал заявленному принципу в «Истории герцогов Бургундских»: авторская позиция в этом тексте почти не угадывается. Потому-то Б. Г. Реизов и называл метод Баранта «безличным» [19, с. 146], что действительно очень точно характеризует сущность явления.

Принципиально и то, что, по убеждению Баранта, исторические факты должны интерпретироваться не с позиций современного контекста, а в соответствии с логикой исторического процесса соответствующего периода, с учетом особенностей, характерных для нравов разных эпох. То есть историческое повествование должно позволить читателю «вжиться» в эпоху, а для этого историку необходимо сохранить в тексте взгляд на вещи, свойственный древним хронописцам – носителям нравов прошлого. В «наивном» стиле хроник, лишенных «риторических ухищрений» [27, t. 1, р. 44], Барант также видел проявление исторического колорита; на этот стиль он и ориентировался в своей «Истории герцогов Бургундских».

Известно, что «История герцогов Бургундских» нашла многих критиков. Ее называли «бесполезной копией прошлого», не позволяющей извлечь уроки, Баранта упрекали за отсутствие «всяких исторических суждений», за «равнодушие к пороку и к добродетели», а его объективизм оценивали как «чрезмерный» [19, с. 166–

167]. Но всеобщее внимание, прикованное к этому новому по своей форме и сути историческому труду, свидетельствовало о принципиальном повороте и в исторической науке, и в читательских интересах. Литераторы использовали «Историю...» Баранта как богатую кладовую сюжетов и фактов. Скажем, отсюда черпал сведения для романа «Изабелла Баварская» (вплоть до прямых цитат) А. Дюма, во многом перенявший исторические взгляды Баранта [22, с. 15]. На «Историю...» Баранта опирался и Флобер в своих «Исторических набросках» [12, с. 235]. Барон де Базанкур в литературном творчестве, вероятно, тоже мог обращаться за информацией к исследованию своего дядюшки, например, по поводу придворного положения Агнессы Сорель (персонаж его романа «Жером Рюде. 1440 год»), о которой Барант рассказывал в 7 томе своей истории [28, т. 7, р. 217–218].

«История герцогов Бургундских» быстро перешагнула национальные границы. Она, скажем, была в личной библиотеке А. С. Пушкина, причем, судя по тому, что страницы большинства томов разрезаны [11, с. 148], поэт ее внимательно читал. По мнению Г. А. Гуковского, отсюда Пушкин почерпнул сюжет «Скупого рыцаря» и даже некоторые «словесные формулы» [5, с. 318]. То есть, по большому счету, сочинение Баранта имело значительный успех, и не забудем, что именно оно «открыло перед Барантом двери французской Академии» [39, р. 35].

Очень скоро после издания «Истории герцогов Бургундских», в 1825 г., увидела свет «История завоевания Англии норманнами» О. Тьерри – сочинение, тоже имевшее большое влияние на современников. В дальнейшем автор постоянно дополнял исследование, и оно выдержало множество изданий. В 1846 г., когда Базанкур выпустил «Историю Сицилии», вышло уже седьмое издание Тьерри. Кстати, в 1859 г. перевод его книги был опубликован в России.

«Истории...» Баранта и Тьерри создавались синхронно, и стоит говорить, что их авторы «синхронно» приходили к одним и тем же принципам новой истории. Для Тьерри также была важна повествовательная структура: «Я всегда держался, – пояснял он, – формы повествовательной для того, чтоб читатель не перескакивал от древнего рассказа к новейшему толкованию, и чтоб сочинение мое не представляло разногласий от смешения отрывков летописей с современными рассуждениями» [23, с. 5]. Подобно Баранту, Тьерри считал неприемлемым при написании истории переносить «понятия, нравы и политический быт своего времени во времена прошедшие» [23, с. 4], прибегать к помощи фантазии, «писать историю в пользу одной идеи» [23, с. 5]; историк стремился к тому, чтобы «каждому минувшему веку дано было его истинное значение, колорит и место» и пояснял читателю: «Я пользовался только оригинальными письменными памятниками и сочинениями» [23, с. 5].

Эта «одновременность» создания двух принципиально сходных исследований – «Историй...» Баранта и Тьерри – была следствием требований нового века и логики развития исторической науки. Принципы нового метода постепенно вызревали в разных частях Европы. В связи с этим вспомним и «Историю Государства Российского». Принципы написания истории, выработанные Н. М. Карамзиным, почти буквально соотносимы с рассуждениями Баранта. Французский историк, скажем, полагал, что манера «эрудитов» XVIII в. подменять описание событий

обобщениями вела к тому, что в читательском сознании оставались лишь отвлеченные умозаключения, но не сама история и ее деятели [27, т. 1, р. 9–11]. К той же мысли приходил и Карамзин, указывая, что «метафизика не годится для изображения действия и характера», а «знание, ученость, остроумие и глубокомыслие не заменяют таланта изображать действия» [25, с. 58]. Карамзин, работая над своей «Историей...», разумеется, не мог знать о термине «повествовательный метод», но когда его труд в 1818 г. (шестью годами ранее «Истории...» Баранта) увидел свет (а начал он печататься еще в 1816 г.), то читатель нашел в предисловии те самые принципы, которые позднее более полно формулирует французский историк:

«Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал <...> мыслей единственно в памятниках; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; <...> хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени, и характер Летописцев <...>».

Читатель заметит, что описываю деяния не врознь, по годам и дням, но совокупаю их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место». [7, с. 20].

«История...» Карамзина соответствовала тем представлениям, которые исповедовал «повествовательный метод». И довольно странно, что Н. А. Полевой (по словам А. С. Пушкина, горячий сторонник «Баранта и Тьерри» [18, с. 121]) в «Истории русского народа» (1829) упрекал Карамзина за то, что его труд имеет вид «повествовательного рассказа» [16, с. XXXVII]. Именно к такому стилю стремился и сам Барант: не судить о лицах и событиях, а описывать их подобно хронописцам. И, что касается карамзинского подхода к написанию истории, то глубоко пронизателен известный отзыв Пушкина: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец» [18, с. 120].

Стиль и образность «Истории Сицилии...»

Параллель с Карамзиным несколько увела нас от основного вопроса, но она демонстрирует, что идеи «повествовательной истории» буквально витали в воздухе и не обязательно являлись результатом прямого заимствования. Барон де Базанкур не мог не ощущать общеевропейскую тенденцию к повествовательной форме исторических трудов. Но это не отменяет и наличие конкретного образца. И как мы уже говорили, ориентировался Базанкур, прежде всего, на сочинение Баранта, что угадывается по предисловию к «Истории Сицилии». Базанкур особо подчеркивал свое трепетное отношение к первоисточникам. Он даже преуменьшил собственную роль в их обработке, сообщая, что «чаще всего лишь переводил тексты хроник» [28, т. 1, р. XI]. На самом деле не просто «переводил», а комбинировал данные этих хроник в единый рассказ, или, выражаясь современным термином, осуществлял «нарративную реконструкцию» [20, с. 94] событий.

Б. Г. Реизов называл стиль Баранта в «Истории герцогов Бургундских» «хроникальным» [19, с. 48], поскольку он уподоблен простоте старинных текстов. Базанкур признается, что тоже стремится избежать «поэтичности и выпренности» [28, t. 1, р. XII], однако некоторые стилистические обороты могут быть расценены читателем, как нарушение этого принципа. В глаза бросается приверженность автора к яркой и эмоциональной лексике и образности: если «кровь», то она «льется ручьями» [28, t. 1, р. 2], если «борьба», то «смертельная» [28, t. 1, р. 2]; если «нравы», то «суровые и дикие» [28, t. 1, р. 4], если «враги», то «непримиримые» [28, t. 1, р. 6], если «храбрость», то «изумительная» [28, t. 1, р. 10] или «сверхъестественная» [28, t. 1, р. 21]; «господство сарацин», разумеется, «слепое и кровожадное» [28, t. 1, р. 17].

Но даже эти стилистические «украшения» следует рассматривать в контексте принципов «повествовательного метода». Исторический труд в ту эпоху воспринимался в качестве литературного произведения. Да, это было произведение особого рода, – не допускавшее вымысла, однако читатели и критики оценивали не только достоверность повествования, но и его «живописную» составляющую. Сами авторы были нацелены на живописание истории. Так, читаем у Баранта: «Историк должен ощущать большее влечение к живописанию, нежели к анализу», «иначе факты усохнут под его пером», а «живописное полотно страны будет подменено линиями географической карты» [27, t. 1, р. 13–14]. А вот слова Тьерри: «Полагаю, что всякое историческое сочинение есть произведение не только эрудиции, но и искусства: забота о форме и стиле не менее важна, нежели исследование и критическое осмысление фактов». [46, t. 1, р. 3].

И Барант, и Тьерри отзываются в своих «Историях...» о Вальтере Скотте как о родоначальнике нового отношения к истории. В определенном смысле они, конечно, могут даже считаться и его «преданными учениками» [6, с. 200], поскольку подобно ему стремились помочь читателю «вжиться в историю», ощутить колорит эпохи. Такова была цель их исторической «живописи», а инструменты для живописания всякий автор выбирал по собственному разумению, но одним из способов «погрузить» читателя в эпоху было сближение стиля исторического труда со стилем древних памятников. Однако в чем характерные приметы старинной стилистики? Тут мнения могли расходиться. Если, скажем, для Баранта – это отсутствие «риторических ухищрений» [27, t. 1, р. 44], то для Карамзина – это, по словам Пушкина, «нравственные размышления», которые «своею иноческою простотою дают <...> повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи» [18, с. 120]. И если барон де Базанкур видел особенность хроникального стиля в устойчивых эпитетах, в яркой традиционной образности (как сравнение Гийома Брэд-Фер со львом), в «нравственных размышлениях» (например, о любви, «смягчающей суровые и дикие нравы» [28, t. 1, р. 4]), то все это вовсе не противоречит принципам «повествовательного метода».

Далее в предисловии барона де Базанкура звучит еще одна важная мысль: «Мы позволили фактам говорить сами за себя и остались в роли рассказчика» [28, t. 1, р. XIII]. Видимо, Базанкур помнил о нападках критиков на «безличный» метод Баранта за отсутствие исторических выводов и уроков, а потому, предвосхищая подобные упреки в отношении своего труда, продолжал:

«Это ошибочно? Думается, что нет. Разве последующие семь столетий не оставили более серьезных уроков, чем все те, что могут быть созданы человеческими рассуждениями, и разве перст Божий не отметил неизгладимой печатью все эти гробницы прошлого, которые историк на мгновение приоткрывает?» [28, t. 1, p. XIII]

И вот что примечательно: формулируя свою повествовательную задачу, Базанкур использует латинское изречение: «*Scribitur ad narrandum, non ad probandum* – такова была наша мысль, наша цель» [28, t. 1, p. XIII]. Фраза эта принадлежит Квинтилиану и переводится так: «Это написано, чтобы рассказать, а не доказать». Но важно, что эта фраза служила эпиграфом к «Истории герцогов Бургундских» Баранта. То есть Базанкур давал прозрачную подсказку, на какой образец ориентировался при создании собственного труда.

С сочинением Баранта «Историю Сицилии...» сближали и особенности «сюжета», если это понятие применимо к историческому труду. Дело в том, что, скажем, Тьерри «рассредоточил» взор историка таким образом, что перед читателем оказывались не только завоеватели-норманны, но и побежденные племена, которые представлены в разнообразии своих исторических судеб, характеров и традиций. Это заставляет повествователя постоянно менять «точку обзора». Так что Тьерри пришлось решать чрезвычайно сложную композиционную задачу – монтировать эпизоды, как бы увиденные с разных позиций, в повествование с единой драматургией. Вот как Б. Г. Реизов оценил композиционные решения Тьерри: «Произведение это обладает единством, подобным эпическому. Это не “история” в полном смысле этого слова, – не последовательное повествование о различных событиях <...>. Это рассказ о едином событии, продолжающемся столетия, с единым многомиллионным героем» [19, с. 115]. У Тьерри общий «сюжет» составляется из множества «микросюжетов».

Исследование же Баранта имело менее сложную структуру. Перед читателем предстает бесконечная цепь конфликтов между крупными феодалами и феодальными партиями. И это именно «цепь» – последовательность событий, имеющая форму линейного «сюжета».

К подобной структуре прибегнул и Базанкур. С одной стороны, он, подобно Тьерри, стремится увидеть единство масштабного и протяженного во времени события – завоевания Сицилии норманнами. Но, с другой стороны, оценивал это единство лишь с точки зрения, так сказать, хронологической: такая-то победа норманнов обеспечила им возможность дальнейших завоеваний и т. д. История тех, кто противостоял норманнам, почти не интересует автора. Кто жил в Сицилии до прихода туда арабов? Глубокие ли корни успели дать на острове арабские нравы и установления? Каков был уклад жизни у аборигенного населения? Эти и подобные вопросы оказываются за пределами авторского видения, поскольку он совершенно «входит в роль» летописца, будто незримо сопровождающего норманнские отряды и видящего историческую реальность глазами норманнских рыцарей.

Это, безусловно, программировалось источниками – хрониками, по которым Базанкур реконструировал историю. Тем же определялся мифологизм повествования. Легко заметить, что многое в «сюжете» о завоевании Сицилии имеет

мифопоэтическую природу. Вся история, как в «Илиаде», начинается с любовной коллизии – страсти к Омонизе, охватившей Ефимия. Число норманнских рыцарей, прибывших на Сицилию, – 300 [28, t. 1, p. 28]. Сражение рассматривается как схватка вождей противоборствующих сторон.

Не стоит видеть в этом результат авторской наивности. Базанкур, конечно, сознавал, что сказания летописцев во многом подпитывались легендами. Но, в понимании историков «нарративной школы», сам этот легендарный материал представлял ценность исторического источника: «история фактов дополняется и трансформируется историей мнений, историей сознания» [19, с. 147]. Если уж историк-повествователь стремится судить о событиях эпохи с позиций психологии и нравов этой эпохи, то мифы и легенды, созданные современниками событий, должны были использоваться в качестве обобщений, позволяющих оценить истинное значение событий. Нельзя сказать, чтобы Базанкур совершенно отказался от критического отношения к хроникам. Порою он указывает на разночтение данных в разных источниках [19, t. 1, p. 8, 33]. Но к мифологическому пласту информации он относится с трепетом. И думается, это объяснялось не только стремлением следовать принципам «нарративной школы», но и литературными интересами Базанкура. Его «История Сицилии при норманнах» превращалась в аналог народного эпоса; она отличалась от его романов отсутствием авторского вымысла, но все же была исполнена романтическими характерами, ситуациями и поэтикой, столь близкими барону де Базанкуру. Он нашел наконец сферу, где его исторические и литературные пристрастия гармонично дополняли друг друга.

Не стоит на этом основании подвергать сомнению научную значимость его труда. Справедливости ради: мы и сегодня не всегда можем с уверенностью отделить в древних источниках достоверную информацию от легендарных наслоений. Но главное, что барон де Базанкур выполнил ту научную задачу, которая стояла на повестке дня, – создать по имеющимся источникам картину определенной эпохи. И он, и другие историки той поры сталкивались с одной и той же проблемой: ограниченное количество и специфика источников влияли на характер создаваемой картины, не позволяли ей превратиться в точное отражение реальности. И чем далее погружался историк в глубину веков, тем более мифологизированными оказывались источники, более сомнительной – созданная на их основании картина. Но иного пути попросту не существовало. Науке нужны были эти – пусть и неполные, пусть искаженные народной фантазией – слепки с исторической действительности, которые в дальнейшем можно было бы корректировать с позиций вновь получаемых сведений. Именно по этому пути пришлось пройти и Н. М. Карамзину, и когда его труд стали упрекать за недостаточно критичное отношение к показаниям летописцев, В. Г. Белинский высказал соображение, которое могло бы быть применено ко многим историкам-повествователям той поры: «Из баснословного периода Руси Карамзин сделал эпическую поэму <...>. Но если наше время всё это может понимать вернее Карамзина, этим оно обязано все-таки Карамзину же, потому что без его истории мы не имели бы никаких данных для суждений» [2, с. 542].

«Нарративный метод», подразумевавший реконструкцию, среди прочего, мнений и легенд разных эпох, оставался востребован еще долго. Приведем такой

пример из истории отечественной науки. После войны 1812 г. в России неуклонно рос интерес к восприятию страны иностранцами. Публиковались соответствующие труды и источники [15, с. 16–47]. Довольно скоро стало очевидным, что необъективность сведений, которые обнаруживаются в текстах зарубежных авторов, во многом обусловлена существованием европейского мифа о России. Чтобы понять природу отдельных искажений, следовало представлять себе этот миф в целостности. Начинаящий историк В. О. Ключевский почувствовал «научный запрос» и подготовил исследование «Сказания иностранцев о Московском государстве» (это была его кандидатская диссертация, опубликованная в 1866 г. отдельной книгой [8]). Ключевский отказался от критического осмысления источников (их было более 30), и создал на их основе повествование, которое реконструировало затейливый, порою фантастический, легендарный образ Московии, бытовавший в сознании иностранных авторов давней поры [15, с. 48–52]. Задача Ключевского – не разоблачить, а воссоздать миф, чтобы открыть путь к его исследованию. И это действительно дало толчок к объективному поиску закономерностей, управляющих процессами межнационального восприятия и, соответственно, важных для верной оценки исторических источников [14, с. 151–152]. То есть реконструкция мифа сама по себе может восприниматься как научная задача.

Автор и история

«Безличный» характер «повествовательного метода» в значительной мере – условность. Барант и Тьерри действительно освободили своих читателей от поучений, длинных рассуждений и выводов. Но если авторская позиция не «просвечивалась» стилистически, то все же она угадывалась по выбору материала, «углу видения» событий, по персонажам, привлекающим первостепенный интерес историка. XVIII в. сосредоточивал внимание на «истории королей». Эпоха романтизма породила интерес к истории нации, и это рождало вопрос, кого следует воспринимать в качестве «главных героев» истории. Выбор этих «главных героев» уже сам по себе являлся результатом авторской интерпретации истории. Для Баранта это были «герцоги и бароны» [19, с. 161], среди страстей, преступлений и интриг создающие централизованное государство. Для Тьерри «главные герои» – это народы, что и определяет авторскую цель: «дать род исторической жизни массам людей, как будто частным личностям» [23, с. 5]. Для барона де Базанкура «главными героями» норманнского завоевания Сицилии являются «вожди» борющихся народов, но, прежде всего – норманнов. Заметно, что в глазах историка наиболее притягательные образы – рыцари, ведущие воинов за собой не по праву рождения, но в силу собственных качеств и заслуг. Базанкур пояснял читателю, что в эпоху завоевания Сицилии, рыцари, возглавлявшие норманнов, не воспринимались в качестве королей, поскольку властный и независимый дух норманнов не признавал абсолютной власти. В качестве командиров избирали того, кто признавался «первыми среди равных» [28, т. 1, р. 27].

Уже цитированный нами фрагмент о сражении у Сиракуз достаточно точно отражает приоритеты авторского внимания. Сражение между византийскими и арабскими войсками, по существу, изображено как поединок между вождями:

Гийомом Бра-де-Фер и Аркадием. Для сравнения скажем, что у Тьерри сражения описаны иначе: здесь много тактических подробностей, читатель видит действия отдельных подразделений и сознает, что ход битвы – столкновение множества индивидуальных усилий. В изображении же Базанкура, битва – прежде всего, порыв и подвиг вождя, воодушевляющего воинов. Это соответствовало духу хроник, и, думается, это соответствовало романтическому мировидению Базанкура:

«Ни одна деталь этого великого эпоса не была упущена современными событиями авторами. Мы день за днём и замысел за замыслом можем наблюдать эту многотрудную работу возрождения. Сколько простоты и энергии в стиле! Сколь образны и правдивы эти рассказы! Когда летописец рассказывает о сражении, то он, можно сказать, трепещет за своего героя; он следует за ним в бой, отслеживает всякий удар его великого меча и выводит его из боя либо торжествующим победителем, либо безропотным проигравшим» [28, t. 1, p. IX].

Хотя историки-повествователи и освобождали свои труды от рассуждений и выводов, отдельные исторические наблюдения они все же формулировали, как правило, включая их в текст предисловия. Баранта, скажем, очень интересовало, как постепенно одним из факторов исторического процесса становилось общественное мнение, или «глас народа»:

«<...> Даже в эти варварские времена, когда царила сила, когда неравенство людей в праве на справедливость было всеобщим убеждением; в те времена, когда связи между гражданами одной страны были столь несовершенны, мысль и глас народа уже обладали огромной властью. Мы замечаем, что самое крайнее насилие нуждалось в общественном одобрении и добивались его посредством лицемерия и лжи» [27, t. 1, p. 43–44].

Барон де Базанкур также делился в своей «Истории...» некоторыми историческими наблюдениями. В основном они касались изменений, которые произошли в коллективном сознании норманнов в период завоевания Сицилии.

Как помним, отряд норманнов впервые появился на острове в качестве наемников византийской армии. Такой статус норманнов не мешает Базанкуру дать им романтизированную характеристику:

«<...> Мы видим этих гордых воинов, дворян, единственным наследством которых являлись меч, надежда и вера; они покидали родную страну и отчий дом, поскольку в этой стране у них ничего нет, а этот дом беден и пуст; мы видим, как они, можно сказать, рождаются и растут вместе со своей отвагой. Они бьются то за тех, то за других. Герои, живущие среди опасностей, они ищут сражений <...>» [28, t. 1, p. VIII].

Норманны сыграли заметную роль в сражениях против арабов, но затем были обмануты военачальником византийцев, который лишил их обещанной доли военной добычи. Тогда возмущенные норманны отправились в самостоятельный поход по Сицилии и Италии, «опустошая страну, еще признававшую константинопольского

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ V.
императора» [28, t. 1, p. 39]. Так они начали долгий путь к созданию собственного королевства, и вот наблюдение историка:

«<...> Но они уже не те норманны, уже не те бедные, но отважные искатели приключений, имевшие в качестве единственного достояния свое сердце и меч, предлагавшие эти сердце и меч то одному, то другому и преданные всеми; они уже не те люди, что искали в бою не лучшее будущее для себя, а лишь возжеленную славу и солдатскую плату. Сменялись события и годы, приходил опыт – как следствие потерь и прожитых лет; и они осознали, что способны в эту эпоху набегов, вторжений и хаоса завоевать для себя империю и установить собственное владычество. И отныне кровь, что прежде проливали для других, они будут проливать в собственных интересах и создавать посреди громоздящихся обломков и враждующих партий силу, которая семьдесят лет спустя станет основой королевской династии» [28, t. 1, p. 59].

В интерпретации Базанкура, все, что совершали норманны, было обусловлено их «честолюбием и великой любовью к славе и опасностям» [28, t. 1, p. 26]. В этом, безусловно, видится романтическое упрощение. Но, во-первых, оно укладывалось в рамки стереотипа: характер норманнов романтизировался еще И. Г. Гердером [17, с. 130–131]. А во-вторых, читатель, настроенный автором на «безличный» стиль повествования, искал в «Истории Сицилии...» не эти, впрочем, довольно редкие сентенции, а возможность увидеть обширную панораму значительного исторического события. И следует признать, барон де Базанкур такую возможность перед читателем открыл.

Отклики в прессе

Напомним, что «История Сицилии...» начала поступать в книжные лавки в апреле 1846 г. К концу мая в прессе стали появляться отзывы на нее. В литературном обзоре газеты «Le Siècle» от 25 мая довольно известный литератор Ипполит Люка сообщал, что «История Сицилии...» писалась по древним хроникам, ее «стиль прост и ясен», а в целом это – полезная и серьезная книга, историческая значимость которой не умаляется «никакими романтическими притязаниями» [36, p. 2]. Отзыв позитивный, но столь краткий, что «тонул» среди информации об иных книжных новинках. Однако уже на следующий день, 26 мая, появился разбор «Истории...», который должен был весьма польстить ее автору.

Разбор был напечатан в «Le Constitutionnel». Это одна из самых тиражных газет, имевшая в ту пору более 20 тыс. подписчиков [33, p. 857]. Возглавлял газету историк А. Тьер. Материал об «Истории Сицилии...» был объемным (занимал весь подвал разворота), а подпись гласила, что принадлежит эта публикация принцу Москворецкому [Le Prince de la Moskowa], то есть – Наполеону Жозефу Нею, сыну прославленного маршала Нея, крестнику Наполеона I, пэру Франции.

«В наш более спекулятивный, нежели трудолюбивый век, – начинал критик, – <...> мы должны быть признательны молодым людям, которые, отказавшись от проторенных дорог, всерьез восприняли литературное

поприще и посвятили себя кропотливым исследованиям и напряженной работе для создания полезных и, следовательно, долговечных произведений. Именно по этой причине мы и рекомендуем недавно опубликованную работу барона де Базанкура» [35, р. 1].

Образцом для Базанкура, по мнению принца Москворецкого, послужила «История завоевания Англии норманнами» Тьерри. Критик подчеркивал, что произведение Базанкура – результат «долгих и глубоких исследований», делал обзор использованных в «Истории...» источников и констатировал, что добросовестность рецензируемого труда подтверждается стремлением автора не только цитировать, но и критически оценивать старинные тексты на предмет фактической достоверности. Затем принц Москворецкий с заметным увлечением пересказывал основные события, описанные историком.

Впрочем, отзыв не был исключительно комплиментарным. Н. Ж. Ней, скажем, сожалел, что барон де Базанкур обошел вниманием греческие и арабские тексты, указывал на некоторые фактические ошибки (датировка пребывания на престоле папы Гонория II) и полагал целесообразным довести повествование до 1194 г. (периода правления сицилийского короля Вильгельма III), поскольку этого требует логика исторических событий [35, р. 2]. Однако, невзирая на отдельные недочеты, критик считал исследование вполне успешным:

«Перипетии их (норманнов. – В. О.) интересной истории в сочинении г. де Базанкура не только изображены яркими красками, но изложены стройно и ясно; встречаются там даже и такие места, от которых, возможно, не отрекся бы и его дядя г-н де Барант. При таких образцах для подражания в семье и при такой новой любви к серьезным исследованиям у нас есть основания надеяться, что вскоре имя автора “Истории Сицилии...” займет место среди имен наших историков, как оно уже занимает место среди романистов» [35, р. 2].

Научный характер труда, предпринятого Базанкуром, определял и особенности, (быть может, ему не привычные) критических суждений. Вместо «споров о вкусах», здесь были логически обоснованные указания на совершенно конкретные достоинства книги и на столь же конкретные просчеты. Такой, по существу, научный подход к оцениванию «Истории Сицилии...» сам по себе сигнализировал о серьезности издания.

Уже в июне ревью «Le Biographe universel» рекомендовало труд Базанкура как «серьезную книгу», «хорошо отражающую старинные архивы» [44, р. 187], а «Сильфида» поместила обширную статью, посвященную «Истории Сицилии...». Напомним, что Базанкур был сотрудником этого журнала, и можно было бы ожидать чисто «дифирамбного» звучания отзыва, однако это не так. Заметно, что автор – известный романист Жюль Барбе д’Оревилли – действительно благорасположен к Базанкуру и не жалеет хвалебных эпитетов. Но, в то же время, независимость, с какой он подходит к анализу книги и творческой биографии барона, заставляет верить в искренность оценок.

Прежде всего, бросается в глаза, насколько точно критик оценивает роль Базанкура-романиста в литературном процессе:

«Его первые публикации не позволяли судить, кем он станет. Человек изящного и легкого таланта, с приятными особенностями воображения и стиля, он расходовал свои полные жизни способности на эту эфемерную литературу, которая рождается и умирает на страницах газет. Он был хорошим рассказчиком, остроумным писателем. Повести, которые он напечатал в этом и других сборниках, никто не забыл; им присущи редкие качества, которые однажды могли бы стать выдающимися. При таком прошлом, позволяющем питать большие надежды на будущее, у г-на де Базанкура была перспектива обеспечить себе заметное место в лучах той известности, которая не является славой, но шума производит не менее <...>» [26, р. 295].

Барбе д'Оревилли приветствует решение барона де Базанкура отказаться от литературы ради исторического труда – «более трудного, гораздо менее блестящего, но гораздо более возвышенного». «Он отбрасывает выдумки разума, – говорит о Базанкуре критик, – как человек тридцати лет отказывается от обманчивых мечтаний юности, и погружается в историческую реальность, которая стоит несколько дороже тщетных фантазий»:

«Действительно, в новом сочинении г-на де Базанкура можно обнаружить все, что заставляет поверить в истинное призвание, в особую склонность к историческим предметам. Писатель из прошлого, писатель времен юности здесь не проявляется вовсе. <...> Никакой жеманный блеск или неуместная томность не намекают нам, что этот простой, твердый и даже порою слишком сдержанный стиль принадлежит капризному перу современного романиста» [26, р. 295].

Высоко оценив способность Базанкура перестроить творческий арсенал под требования исторического труда, критик, тем не менее, усматривает некоторые недостатки в самой исследовательской методологии. По мнению Барбе д'Оревилли, автор «из неуверенности в себе» слишком буквально отнесся к роли «летописца», что помешало ему осветить весьма важные моменты, среди которых отношение правительств Европы к норманнскому завоеванию, влияние держав на процесс создания Сицилийского королевства [26, р. 296]. Рецензент полагает, что автор таким образом упускает «философскую» составляющую событий, остается «летописцем», хотя мог бы быть «истинным историком» [26, р. 296]. Иными словами, критику не хватало исторического контекста и аналитики – тех самых рассуждений, от которых сознательно отказывались историки «нарративной школы». Этот упрек очень напоминает те, что некогда адресовались барону де Баранту и вообще сторонникам «повествовательного метода». В контексте этой же параллели следует расценивать и пожелание критика увидеть в «Истории Сицилии...» «понимание фактов и людей» с позиций не старинного автора, а «мыслителя девятнадцатого века» [26, р. 296].

Впрочем, упреки Барбе д'Оревильи высказаны в весьма мягкой форме. В завершение он отмечал наличие у историка «достаточно точного чувства характеров и ситуаций», выражает уверенность, что книга займет почетное место среди исторических трудов, и выражает надежду, что в дальнейших трудах автор будет более смело высказывать собственные суждения и проникать в «скрытое действие причин» [26, p. 296].

Словом, в целом отзыв был позитивным: замечания касались не столько конкретно «Истории Сицилии...», сколько научных принципов, о которых дискуссии велись очень давно, а само наличие этих замечаний придавало статье характер серьезного анализа и объективности.

Почти синхронно с появлением этого отзыва произошло событие, которое, безусловно, поддержало авторитет «Истории Сицилии...». «La Presse» сообщила, что король повелел всем своим библиотекам подписаться на эту книгу [42].

Надо полагать, что не последнюю роль в этом решении сыграл сын короля Луи-Филиппа герцог Омальский. Герцога связывало с бароном де Базанкуром общее увлечение фехтованием [45, p. 176]. Известно также, что Базанкур был среди приглашенных на бракосочетание герцога Омальского, состоявшееся в ноябре 1844 г. в Неаполе [37, p. 2]. Кроме того, герцог был большим любителем и собирателем древностей. Так что вполне объяснимо, что барон де Базанкур посвятил «Историю Сицилии...» именно герцогу Омальскому, который, как явствует из самого посвящения, при общении с автором в Неаполе проявил большой интерес к сицилийскому прошлому [28, t. 1, p. III].

Но и на этом успехи «Истории Сицилии...» на завершались. В сентябре 1846 г. еще один объемный отзыв появился в «La Presse». Он был подписан «Mégy» и, видимо, принадлежал романисту и драматургу романтической школы Жозефу Мери. С явным воодушевлением он пояснял читателю, насколько важное значение имело завоевание Сицилии норманнскими рыцарями, которые принесли христианство на смену кровавым беззакониям и насилиям, творимым на острове сарацинами.

Видимо, Мери хорошо знал барона де Базанкура лично, поскольку далее обыгрывал связь исторического труда не только с его литературным творчеством, но и с его светским амплуа:

«Мы видим, что молодой и благородный писатель ступил на свою излюбленную почву и что его симпатия к мужеству, рыцарской отваге и вере уже давно посвящена сыновьям Танкреда. Дворянин, ныне лишенный возможности участвовать в крестовых походах, смиряется с тем, чтобы писать о них. Он меняет свой доблестный меч на перо историка, поскольку и тем, и другим владеет с одинаковым мастерством» [38].

Мери полагает, что Базанкур идет по стопам Баранта и Тьерри, и, что характерно, с восхищением пишет об умении Базанкура вжиться в интересующую эпоху и не подражать «эрудитам» XVIII в., а это звучит как опосредованный ответ Мери на замечания Барбе д'Оревильи, упрекавшего историка за недостаточность «современного взгляда»:

«Черпая вдохновение в новых популярных идеях, коими проникнуты современные исторические исследования, г-н де Базанкур сумел обойти подводные камни, не замеченные его предшественниками. Он не стал запирается в кабинете, чтобы переписать несколько книг, не стал по обычаю многих писателей подновлять старый стиль, чтобы рассказать о тех же событиях другими словами. Г-н де Базанкур иначе увидел свою задачу, и мы можем себя с этим поздравить, поскольку у нас наконец появилась превосходная история завоевания Сицилии. Современный писатель решил слиться с эпохой, драмой и действующими лицами. Он отправился туда и изучил великую историческую сцену, на которой разворачивались события, о коих он собирался нам поведать.

Этот обыкновенный для наших дней прием, без которого невозможно создание хорошей истории, был неизвестен прежним летописцам. Истории Рима и Греции сочинялись на сырых чердаках предместья Сент-Жак достойными, но робкими людьми, которые знали солнце лишь понаслышке, а землю лишь по карте Феодосия» [38].

В итоге критик констатировал, что исследование барона де Базанкура подчинено принципу исторической достоверности, но, вместе с тем, имеет «изящество и очарование романа» [38].

В ноябре 1846 г. на «Историю Сицилии...» большой статьей отозвалась официальная правительственная газета «Le Moniteur universel», и разбор книги был отнюдь не формальным. В роли критика выступил Альфонс Дантье, который был годом старше Базанкура (род. в 1810 г.) и также занимался историческими исследованиями. В 1845 г. он опубликовал основательный труд об истории средневекового Нуайонского собора [29]. Исследование было замечено министром просвещения Н.-А. де Сальванди, который командировал Дантье в Италию для изучения ранних христианских памятников [47, р. 466]. Позднее Дантье опубликует отдельное исследование на эту тему [32]. Кроме того, в 1852 г. он выпустит учебник по истории Средних веков [30]. То есть Дантье был, что называется, «в теме».

Значительную часть своего отзыва о работе Базанкура он посвятил краткому изложению основных событий норманнского завоевания, восстановленных Базанкуром, что уже само по себе указывало на масштаб и важность исследования. Но далее шел ряд замечаний. Хотя энергичная манера повествования и произвела на Дантье благоприятное впечатление, отдельные места показались ему «малопонятными». По мнению критика, слог исследования, напоминающий романский стиль, обнаруживал в «начинающем историке» недостаток опыта [31, р. 8]. Дантье указывал на ошибки в переводе географических названий, но основные замечания сводились к тому, что, во-первых, барон де Базанкур слабо осветил историю Сицилии до норманнского вторжения, а во-вторых, не отобразил роль арабской культуры на историю Сицилии в эпоху норманнского господства. Впрочем, критик отмечал, что исследование заслуживает серьезного читательского внимания, и желал автору успехов в дальнейших исследованиях и приобретении опыта на поприще исторической науки.

Само наличие подобного рода замечаний в отзывах на «Историю Сицилии...» свидетельствовало, что труд Базанкура был не только воспринят всерьез, но и побуждал к дальнейшему развитию темы, давал материал к обобщениям, то есть выполнил задачу, которая ставилась перед историком «нарративной школой».

Обратим внимание и на такой момент. Интерес к национальной истории с начала XIX в. во многом подпитывался патриотическими чувствами. В национальном прошлом искали примеры и истоки национальной славы. Исторический труд, кроме собственно научного, приобретал важное идеологическое значение. Романтическая история завоевателей-норманнов воспринималась как важнейшая часть героической истории Франции. Тьерри, скажем, называл норманнов «галло-норманнами» [46, т. 1, р. 3]. Для Базанкура также завоевание Сицилии – значимая страница отечественной истории, и страница, безусловно, героическая и благородная, поскольку, в интерпретации историка, это завоевание имело результатом утверждение христианства. Эта мысль изложена в открывающем книгу посвящении герцогу Омальскому:

«Этот век завоеваний и побед <...> принадлежит Франции даже в большей мере, нежели Италии. Это рассказ о самых доблестных подвигах, когда-либо совершенных человечеством. Это более, чем завоевание королевства, более, чем основание династии: это также история христианства, с его страданиями и триумфами, ибо прежде чем утвердить трон царей земных, норманнские рыцари воздвигли трон Божий и, навсегда изгнав неверных из Сицилии, возродили христианство» [28, т. 1, р. III–IV].

Закономерно, что принц Москворецкий в своем отзыве на «Историю...» барона де Базанкура высказывал предположение, что автор обратился к завоеванию норманнов даже более по воле патриотического чувства, нежели «любопытства к древности» [35, р. 1]. Патриотический пафос «Истории Сицилии...» был очевиден и для Жозефа Мери [38].

И вот что важно. В мае 1846 г. барон де Базанкур стал кавалером ордена Почетного легиона [43], что подразумевает признание за Базанкуром особых заслуг перед Францией. Думается, «История Сицилии...» стала ключевым фактором для этого события. Правда, в свет книга вышла всего месяцем ранее, что оставляло крайне мало времени для административно-бюрократической процедуры. Но следует учитывать, что содержание «Истории...» должно было быть известным задолго до начала публикации. Так, очевидно, что герцог Омальский, которому посвящен труд, был ознакомлен с его содержанием заранее. Стало быть, и процедура вступления в орден могла быть запущена ранее выхода книги.

В любом случае, уже того, что по воле короля на «Историю Сицилии...» были подписаны королевские библиотеки, достаточно, чтобы сделать вывод о признании на официальном уровне высоких достоинств исследования.

ВЫВОДЫ

Итак, «История Сицилии под господством норманнов» стала важным этапом в творчестве Базанкура. Ни одно его прежнее произведение не было столь внимательно воспринято критиками. В глазах литературного и светского мира он теперь был не только романистом, но и серьезным исследователем, историком.

Признание его труда на официальном уровне вряд ли стоит воспринимать в качестве счастливой случайности. Видимо, Базанкур был настроен на укрепление своего официального статуса и целенаправленно формировал репутацию человека, стремящегося служить национальным интересам. Напомним кстати, что апреле 1846 г. он был назначен капитаном национальной гвардии [13, с. 38].

Однако было бы неправильным искать мотивировку его исторических исследований исключительно в карьерной сфере. Интерес к французскому средневековью зародился у него еще в юности. Поначалу этот интерес реализовывался в форме исторических романов, но затем закономерно обратился к сфере исторической науки, поскольку, с одной стороны, документальная история не боялась «девальвации» жанра» [10, с. 16], которую переживал исторический роман, а с другой – позволяла Базанкуру воплотить в тексте свои основные эстетические предпочтения.

Список литературы

1. *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея–Пресс, 2003. – 360 с.
2. *Белинский В. Г.* Полное собр. соч.: В 13-ти т. Т. V. Статьи и рецензии. 1841–1844. – М.: АН СССР, 1954. – 863 с.
3. *Васильев Ю. А.* О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты. Часть I // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 49–58.
4. *Гавришина О. В.* Человек Пушкинской эпохи в историческом нарративе (по материалам личного архива В. Д. Вольховского). Автореф. дис. ... канд. культурологич. наук: 24.00.02. – М., 1998. – 25 с.
5. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Гослитиздат, 1957. – 416 с.
6. *Долинин А. А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. – М.: Книга, 1988. – 316 с.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. I. – М.: Наука, 1989. – 640 с.
8. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Университетская типография, 1886. – 334 с.
9. *Литвиненко Н. А.* Поэтика «правды» во французском историческом романе первой половины XIX века // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2021. – № 3 (47). – С. 67–82.
10. *Литвиненко Н. А.* Французский исторический роман 1820–1840-х гг. и канонизация жанра // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе: матлы международной научной конференции «Наука на благо человечества» (25 апреля 2018 г.). Вып. 8. Новое время – новейшее время. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 13–27.

11. *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 482 с.
12. *Модина Г. И.* Нормандская хроника X века в контексте ранней исторической прозы Флобера // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 234–238.
13. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть III. Светский портрет и литературная личность // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 21–53.
14. *Орехов В. В.* Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. – Томск: ТГУ, 2020. – № 14. – С. 143–167.
15. *Орехов В. В.* Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
16. *Полевой Н. А.* История русского народа. Т. I. – М.: Тип-я Августа Семена, 1829. – 368 с.
17. *Прудников В. В.* Проблема этнического самосознания норманнов в Малой Азии XI–XII вв. // Историческая психология и социология истории. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 130–149.
18. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. М.: Воскресенье, 1994–1997. – Т. 11. Критика и публицистика. 1819–1834. – 1996. – 588 с.
19. *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1956. – 533 с.
20. *Романько О. В.* Красная армия и национальный вопрос: от Гражданской до Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 94–95.
21. *Степанова Н. Н.* Романтизм как культурно-исторический тип: опыт междисциплинарного исследования // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Мат-лы междунар. науч. конференции. 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 232–242.
22. *Трескунов М. С.* Александр Дюма // Дюма А. Собр. соч. В 20 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1976. – С. 5–16.
23. *Тьерри О.* История завоевания Англии норманнами с изложением причин и последствий этого завоевания в Англии, Шотландии, Ирландии и на материке, до нашего времени. Ч. I. – СПб.: Тип. И. И. Глазунова и К°, 1859. – 403 с.
24. *Халфина Ю. Л.* Особенности истории культуры как научного направления // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сб. статей. Вып. 26. – Томск: ТГУ, 2001. – С. 82–101.
25. *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. – М.: Книга, 1983. – 176 с.
26. *Aurevilly Jules B. d'.* l'Histoire de la Sicile sous la domination normande par le baron de Bazancourt // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1846. – А 7. – Т. III. – Pp. 295–296.
27. *Barante P. B. de.* Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, 1364–1477. – Paris, Imprimerie de Fain, 1826. – Т. 1. – 369 p.; Т. 7. – 520 p.
28. *Bazancourt, baron de.* Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, depuis la conquête de l'île jusqu'à l'établissement de la monarchie. – Paris, Librairie d'Amyot, 1846. – Vol. 1–2.
29. *Dantier A.* Description monumentale et historique de l'église N.-D. de Noyon, précédée d'un coup d'œil sur l'art chrétien au Moyen Age. – Paris, Noyon, 1845. – 212 p.
30. *Dantier A.* Histoire du moyen-âge. – Paris: Dezobry et E. Magdeleine, 1852. – 592 p.

31. *Dantier A.* Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, par le baron de Bazancourt // Le Moniteur universel. – 1846. – 18 novembre. № 322. – P. 7–8.
32. *Dantier A.* L'Italie, Études historiques. – Paris: Didier et Co, 1874. – 507 p.
33. *Feyel G.* Presse et publicité en France (XVIIIe et XIXe siècles) // Revue historique. – 2003. – T. 4. – №. 628. – Pp. 837–868.
34. Intérieur // Le Constitutionnel. – 1846. – 7 mars. – № 66. – P. 3.
35. *Le Prince de la Moskowa [Napoléon Joseph Ney]*. Histoire de la Sicile sous la domination des Normands par le baron de Bazancourt // Le Constitutionnel. – 1846. – 26 mai. – № 146. – P. 1–2.
36. *Lucas Hip.* Littérature // Le Siècle. – 1846. – 25 mai. – № 3804. – P. 1–3.
37. Mariage du duc d'Aumale // Le Commerce. – 1844. – 4 décembre. – № 339. – P. 2–3.
38. *Méry.* Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, depuis la conquête de l'île jusqu'à l'établissement de la monarchie, par m. le baron de Bazancourt // La Presse. – 1846. – 21 septembre. – № 3792. – P. 3.
39. *Moulin G.* Notice biographique sur M. le baron de Barante. – Clermont-Ferrand: F. Thibaud, 1867. – 56 p.
40. Nouvelles et faits divers // La Presse. – 1845. – 25 juillet. – № 3375. – P. 2–3.
41. Nouvelles et faits divers // La Presse. – 1846. – 6 avril. – № 3627. – P. 2–3.
42. Nouvelles et faits divers // La Presse. – 1846. – 11 juin. – P. 3.
43. Ordre 52615 // Archives nationales de France. – http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH126/PG/FRDAFAN83_OL1526033v010.htm (Accessed 2.02.2024)
44. *Ponchard Eug.* Album, ou Revue de la ville, de la littérature et des beaux-arts // Le Biographe universel. – 1846. – Vol. 11. – № 2. – P. 186–189.
45. *Saint-Albin A. de.* Les Salles d'armes de Paris. – Paris, Glady Frères éditeurs, 1875. – 274 p.
46. *Thierry A.* Histoire de la Conquête de l'Angleterre par les Normands, des ses Causes et de ses Suites jusqu'à nos Jours en Angleterre, en Ecosse, en Irlande, et sur le Continent. – Paris, 1846. – T. 1–4.
47. *Vapereau G.* Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. 1. – Paris, 1865. – 1862 p.

References

1. Ankersmit F. *Narrativnaja logika. Semanticheskij analiz jazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow, Ideja–Press Publ., 2003. 360 p.
2. Belinskij V. G. *Polnoe sobr. soch.: V 13-ti t. T. V. Stat'i i recenzii. 1841–1844* [Complete works: In 13 vols. T. V. Articles and reviews. 1841–1844]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954. 863 p.
3. Vasil'ev Ju. A. *O metodologicheskikh osnovanijah russkoj istoricheskij shkoly: istoriosofskie aspekty. Chast' I* [On the methodological foundations of the Russian historical school: historiographical aspects. Part I]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2009, no. 1, pp. 49–58.
4. Gavrishina O. V. *Chelovek Pushkinskoj jepohi v istoricheskom narrative (po materialam lichnogo arhiva V. D. Vol'hovskogo). Avtoref. dis. ... kand. kul'turologich. nauk* [Man of the Pushkin era in the historical narrative (based on materials from the personal archive of V. D. Volkovsky). Abstract of thesis]. Moscow, 1998. 25 p.
5. Gukovskij G. A. *Pushkin i problemy realisticheskogo stilja* [Pushkin and problems of realistic style]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 416 p.
6. Dolinin A. A. *Istorija, odetaja v roman: Val'ter Skott i ego chitateli* [History dressed in a novel: Walter Scott and his readers]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 316 p.

7. Karamzin N. M. *Istorija gosudarstva Rossijskogo v 12-ti tomah. T. I* [History of the Russian State in 12 volumes. T. I]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 640 p.
8. Ključevskij V. O. *Skazanija inostrancev o Moskovskom gosudarstve* [Tales of foreigners about the Moscow State]. Moscow, Universitetskaja tipografija Publ., 1886. 334 p.
9. Litvinenko N. A. *Pojetika «pravdy» vo francuzskom istoričeskom romane pervoj poloviny XIX veka* [Poetics of “truth” in the French historical novel of the first half of the 19th century]. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2021, no. 3 (47), pp. 67–82.
10. Litvinenko N. A. *Francuzskij istoričeskij roman 1820–1840-h gg. i kanonizacija zhanra* [French historical novel of the 1820–1840s. and canonization of the genre]. *Hudozhestvennoe osmyslenie dejstvitel'nosti v zarubezhnoj literature: mat-ly mezhdunar. nauch. konferencii «Nauka na blago chelovečestva» (25 aprolja 2018 g.). Vyp. 8. Novoe vremja – novejshee vremja*. Moscow, IJU MGOU Publ., 2018, pp. 13–27.
11. Modzalevskij B. L. *Biblioteka A. S. Puškina (Bibliografičeskoe opisanie)* [Library of A. S. Puškin (Bibliographic description)]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1910. 482 p.
12. Modina G. I. *Normandskaja hronika X veka v kontekste rannej istoričeskoj prozy Flobera* [Norman Chronicle of the 10th century in the context of Flaubert’s early historical prose]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 1, pp. 234–238.
13. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' III. Svetskij portret i literaturnaja ličnost'* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part III. Secular portrait and literary personality]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 21–53.
14. Orehov V. V. *Predystorija otečestvennoj imagologii: tradicija kak celeukazanie* [Prehistory of Russian imagology: tradition as target designation]. *Imagologija i komparativistika*. Tomsk, TGU Publ., 2020, no. 14, pp. 143–167.
15. Orehov V. V. *Russkaja literatura i nacional'nyj imidzh (Imagologičeskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom dialoge pervoj poloviny XIX v.)* [Russian literature and national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue of the first half of the 19th century)]. Simferopol', Antikva Publ., 2006. 608 p.
16. Polevoj N. A. *Istorija russkogo naroda. T. I* [История русского народа. Т. I]. Moscow, Tipografija Avgusta Semena Publ., 1829. 368 p.
17. Prudnikov V. V. *Problema jetnicheskogo samosoznanija normannov v Maloj Azii XI–XII vv.* [The problem of ethnic self-awareness of the Normans in Asia Minor in the 11th–12th centuries]. *Istoričeskaja psihologija i sociologija istorii*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 130–149.
18. Puškin A. S. *Poln. sobr. soch.: [V 19 t.]. T. 11. Kritika i publicistika* [Complete works: In 19 volumes. T. 11: Criticism and journalism]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1996. 588 p.
19. Reizov B. G. *Francuzskaja romantičeskaja istoriografija (1815–1830)* [French romantic historiography (1815–1830)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1956. 533 p.
20. Roman'ko O. V. *Krasnaja armija i nacional'nyj vopros: ot Graždanskoj do Velikoj Otečestvennoj vojny* [The Red Army and the national question: from the Civil to the Great Patriotic War]. *Voенно-istoričeskij žurnal*, 2018, no. 4, pp. 94–95.
21. Stepanova N. N. *Romantizm kak kul'turno-istoričeskij tip: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija* [Romanticism as a cultural-historical type: experience of interdisciplinary research]. *Metodologija gumanitarnogo znanija v perspektive XXI veka. K 80-letiju professora Moiseja Samojlovicha Kagana. Mat-ly mezhdunar. nauch. konferencii. 18 maja 2001 g., Sankt-Peterburg. Serija «Symposium». Vyp. 12*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obščestvo Publ., 2001, pp. 232–242.
22. Treskunov M. S. *Aleksandr Džuma* [Alexander Dumas]. *Džuma A. Sobr. soch. V 20 t. T. 1*. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1976, pp. 5–16.

23. Terri O. *Istorija zavoevanija Anglii normannami s izlozheniem prichin i posledstvij jetogo zavoevanija v Anglii, Shotlandii, Irlandii i na materike, do nashego vremeni. Ch. I* [History of the conquest of England by the Normans, outlining the causes and consequences of this conquest in England, Scotland, Ireland and on the mainland, up to our time. Part I]. St. Petersburg, Tipografija I. I. Glazunova i K° Publ., 1859. 403 p.
24. Halfina Ju. L. *Osobennosti istorii kul'tury kak nauchnogo napravlenija* [Features of the history of culture as a scientific direction]. *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki. Sb. statej. Vyp. 26*. Tomsk TGU Publ., 2001, pp. 82–101.
25. Jejdell'man N. Ja. *Poslednij letopisec* [The Last Chronicler]. Moscow, Kniga Publ., 1983. 176 p.
26. Aurevilly Jules B. d'. *l'Histoire de la Sicile sous la domination normande par le baron de Bazancourt // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1846, A 7, vol. III, pp. 295–296.
27. Barante P. B. de. *Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, 1364–1477*. Paris, Imprimerie de Fain, 1826, vol. 1, 369 p.; vol. 7. 520 p.
28. Bazancourt, baron de. *Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, depuis la conquête de l'île jusqu'à l'établissement de la monarchie*. Paris, Librairie d'Amyot, 1846, vol. 1–2.
29. Dantier A. *Description monumentale et historique de l'église N.-D. de Noyon, précédée d'un coup d'œil sur l'art chrétien au Moyen Age*. Paris, Noyon, 1845. 212 p.
30. Dantier A. *Histoire du moyen-âge*. Paris, Dezobry et E. Magdeleine, 1852. 592 p.
31. Dantier A. *Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, par le baron de Bazancourt // Le Moniteur universel*, 1846, 18 novembre, no. 322, pp. 7–8.
32. Dantier A. *L'Italie, Études historiques*. Paris, Didier et Co, 1874. 507 p.
33. Feyel G. *Presse et publicité en France (XVIIIe et XIXe siècles) // Revue historique*, 2003/4, no. 628, pp. 837–868.
34. *Intérieur // Le Constitutionnel*, 1846, 7 mars, no. 66, pp. 3.
35. Le Prince de la Moskowa [Napoléon Joseph Ney]. *Histoire de la Sicile sous la domination des Normands par le baron de Bazancourt // Le Constitutionnel*, 1846, 26 mai, no. 146, pp. 1–2.
36. Lucas Hip. *Littérature // Le Siècle*, 1846, 25 mai, no. 3804, pp. 1–3.
37. *Mariage du duc d'Aumale // Le Commerce*, 1844, 4 décembre, no. 339, pp. 2–3.
38. Méry. *Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, depuis la conquête de l'île jusqu'à l'établissement de la monarchie, par m. le baron de Bazancourt // La Presse*, 1846, 21 septembre, no. 3792, p. 3.
39. Moulin G. *Notice biographique sur M. le baron de Barante*. Clermont-Ferrand, F. Thibaud, 1867. 56 p.
40. *Nouvelles et faits divers // La Presse*, 1845, 25 juillet, no. 3375, pp. 2–3.
41. *Nouvelles et faits divers // La Presse*, 1846, 6 avril, no. 3627, pp. 2–3.
42. *Nouvelles et faits divers // La Presse*, 1846, 11 juin, p. 3.
43. *Ordre 52615 // Archives nationales de France*. – http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH126/PG/FRDAFAN83_OL1526033v010.htm (Accessed 2.02.2024)
44. Ponchard Eug. *Album, ou Revue de la ville, de la littérature et des beaux-arts // Le Biographe universel*, 1846, vol. 11, no. 2, pp. 186–189.
45. Saint-Albin A. de. *Les Salles d'armes de Paris*. Paris, Glady Frères éditeurs, 1875. 274 p.
46. Thierry A. *Histoire de la Conquête de l'Angleterre par les Normands, des ses Causes et de ses Suites jusqu'à nos Jours en Angleterre, en Écosse, en Irlande, et sur le Continent*. Paris, 1846. Vol. 1–4.
47. Vapereau G. *Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers. T. 1*. Paris, 1865. 1862 p.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART V.
HISTORICISM OF THE HISTORICAL NOVEL**

Orekhov V. V.

Having entered the literary field in 1836 with the publication of the historical novel “The Queen's Flying Squadron (1560)”, Baron de Bazancourt subsequently actively tried his hand at the feuilleton novel genre. Historical novels occupied a prominent place in his work, which, however, did not bring him much success. In 1846, Bazancourt published “History of Sicily under the Normans,” which was positioned as a historical study and significantly strengthened the author’s creative reputation. The article examines the connection of this work with the tradition of the “narrative method” in historical science, and traces the author’s approaches that allow him to achieve a combination of scientific requirements for historicism with his own aesthetic predilections.

Key words: Normans, History of Sicily, narrative method, narrative historiography, Baron de Bazancourt.